

<https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-1.7>
 УДК 332.025.12
 JEL B52; P25

Ю. Г. Мыслякова, Н. П. Неклюдова

Институт экономики УрО РАН (Екатеринбург, Российская Федерация; e-mail: mysliakova.ug@uieec.ru).

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К РЕГИОНАЛЬНОМУ РАЗВИТИЮ С УЧЕТОМ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ГЕНОТИПА ТЕРРИТОРИИ¹

«До тех пор, покуда русская жизнь не выработает своей национальной экономики, основанной на индивидуальных особенностях русского грунта, до тех пор мы будем находиться в процессе шатания между различными модными учениями, увлекаясь поочередно то одним, то другим...»

С. Ю. Витте

Статья посвящена развитию теоретического подхода к региональному развитию, методологическим ядром которого является идея о наличии у каждой территории своего социально-экономического генотипа. Авторы раскрывают данное базовое понятие исследования как совокупность причинно-следственных закономерностей развития экономических отношений в практике регионального хозяйствования, определяющих внутренние константы региона, содержащие элементы прошлого (обреченного) и настоящего, переходящего в наследство будущему региональному обществу и требующего на первых порах защиты и поддержки. В статье присутствует гипотеза, что учет социально-экономического генотипа территории влияет на эффективность реализуемой политики регионального развития. Для доказательства данной гипотезы авторы обосновали принципы и положения регионального развития, позволяющие учитывать однородность и гетерогенность территорий; фиксировать промышленное и социальное наследие регионов; а также обеспечивать эволюционное развитие регионов при согласовании приоритетов научно-технологического развития с социально-экономическими условиями жизнедеятельности общества, наследуемыми им в ходе исторических событий и закономерностей функционирования региона. На примере уральских территорий опережающего развития на временном интервале 2010–2018 гг. продемонстрирована полезность учета социально-экономического генотипа путем формализации его ядра, для выявления региональных проблем и предрасположенности к дальнейшему развитию. Полученные результаты доказывают правомерность и важность присутствия положений, связанных с учетом наследуемых социальных и экономических записей территорией при реализации политики регионального развития. В дальнейшем исследовании авторские положения по учету социально-экономического генотипа территории составят основу механизма согласования интересов технологического и пространственного развития региона на мезо- и макроуровне.

Ключевые слова: социально-экономический генотип, региональное развитие, механизмы реализации, территории опережающего развития, наследственная программа, коллективная память

Для цитирования: Мыслякова Ю. Г., Неклюдова Н. П. Теоретический подход к региональному развитию с учетом социально-экономического генотипа территории // Журнал экономической теории. 2021. Т. 18. № 1. С. 103-115. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-1.7>

¹ © Мыслякова Ю. Г., Неклюдова Н. П. Текст. 2021.

Yuliya G. Myslyakova, Natalia P. Neklyudova

Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
(Ekaterinburg, Russian Federation; e-mail: myslyakova.ug@uiec.ru)**The Socio-Economic Genotype of a Region for More Efficient Development**

The article proposes a theoretical approach to regional development based on the idea that each territory has its own unique socio-economic genotype. Socio-economic genotype is understood as a complex of cause-and-effect patterns of regional-level economic relationships, which determine this region's characteristics and constitute its 'inherited' profile. Therefore, it is necessary to take into account the socio-economic genotype of a territory to make the regional development policy more efficient.

The study discusses the underlying principles of regional development, in particular those that allow to take into account similarities or differences between territories and the industrial and social features they inherit from the past. These principles can also be used to stimulate regional development by reconciling the priorities of technological progress with socio-economic conditions in this or that region.

The case of special economic zones in Ural region in 2010–2018 is used to demonstrate how the approach based on identifying a territory's socio-economic genotype by formalizing its core can contribute to better detection of this territory's strengths and weaknesses.

The theoretical premises described in this research may be used to develop a mechanism for reconciling the needs of the region's technological and spatial development on the meso- and macro-levels.

Keywords: social and economic genotype, regional development, mechanisms of implementation, territories of advanced development, hereditary program, collective memory

For citation: Myslyakova, Yu. G., & Neklyudova, N. P. (2021). The Socio-Economic Genotype of a Region for More Efficient Development. *Zhurnal Ekonomicheskoy Teorii* [Russian Journal of Economic Theory], 18(1), 103-115, <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-1.7>

Введение

Основы государственной политики регионального развития РФ на период до 2025 г. утверждены Указом Президента РФ от 16.01.2017 № 13¹. В данном нормативном акте среди целей государственной политики регионального развития указано обеспечение устойчивого экономического роста и научно-технологического развития регионов. Распоряжением Правительства РФ от 5 июня 2017 г. № 1166-р² утвержден план реализации Основ государственной политики регионального развития РФ на период до 2025 г. Данный нормативный акт определяет приоритетные задачи по достижению указанной цели, к которым относятся:

— инфраструктурное обеспечение пространственного развития экономики и социальной сферы РФ;

— привлечение частных инвестиций в негосударственный сектор экономики на региональном и местном уровнях;

— совершенствование механизмов стимулирования субъектов РФ и муниципальных образований к наращиванию собственного экономического потенциала;

— соблюдение баланса между наращиванием экономического потенциала регионов и сохранением комфортной среды жизнедеятельности населения;

— обеспечение устойчивого экономического роста и научно-технологического развития регионов, повышение уровня конкурентоспособности их экономики на международных рынках;

— дифференцированный подход к реализации мер государственной поддержки регионов и муниципальных образований в зависимости от их социально-экономических и географических особенностей.

Решение данных задач нацелено на снижение внутрирегиональных социально-экономических различий субъектов Федерации, а также на ускорение экономического роста, научно-технологического и инновационного развития страны в целом за счет активизации использования имеющегося у территории социально-экономического потенциала и создания локомотивов экономического роста. При этом остальные территории, не относящиеся к числу передовых, должны формировать такую политику регионального и пространственного развития, которая была бы способна нивелировать имеющееся отставание от лидеров.

¹ Указ Президента РФ от 16.01.2017 № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210967.

² Распоряжение Правительства РФ от 5 июня 2017 г. № 1166-р «Об утверждении плана реализации Основ государственной политики регионального развития РФ на период до 2025 г.» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_217769/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2.

В связи с этим механизмы реализации политики регионального развития должны опираться на территориальные драйверы социально-экономического развития, а также позволять определять причины отставания субъекта РФ от лидирующих в данном макрорегионе и находить варианты нивелирования данного отставания. Одним из вариантов решения данной задачи служит учет социально-экономического генотипа территории.

Социально-экономический генотип региона как ядро регионального развития

Идея о наличии у региона своего социально-экономического генотипа уходит корнями в работы известных зарубежных авторов, искавших источники развития территорий в прошлом, выстраивая зависимость положительных экономических трендов от того, где «мы были раньше». Такой эволюционный подход к обеспечению территориального роста предполагает следование имеющимся правилам хозяйствования региона, поскольку никакие новые процессы не могут быть просто взяты извне и внедрены.

Придерживаясь схожей научной точки зрения и развивая данную мысль в отечественной литературе, российские авторы, среди которых нельзя не отметить Е. Майминаса (2016), В. Маевского (2017), Г. Клейнера (2014), А. Аузана (2013), А. Архипова и др. (2020), в качестве ядра территориального роста определили информационный механизм, присутствующий в каждом регионе и обеспечивающий воспроизведение структуры и принципов его функционирования. Методология их исследований сведена к тому, что обеспечение развития любой территории должно опираться на конкретные условия жизнедеятельности общества: уровень его технологического и экономического развития, материальное и культурное качество жизни населения, социально-политические факторы и т. п., которые стимулируют или тормозят этот процесс. Авторы считают, что экономическое развитие региона возможно обеспечить лишь учитывая его генетические особенности, отражающие исторический ход эволюционирования и результативность предыдущих экономических укладов. Эти научные взгляды стали своеобразным импульсом зарождения в экономической теории такого понятия, как социально-экономический генотип региона, основоположниками которого стали Е. Майминас (2016), О. Иншаков (2011) и Е. Мартишин (2015; Мартишин, Дончевский, 2018).

Так, по мнению О. Иншакова (2008), социально-экономический генотип — это механизм, который обеспечивает передачу ценностей и опыта социально-экономических систем. Е. Мартишин (2014) социально-экономический генотип трактует как механизм, реализующий закономерности и эволюции, которые выступают важнейшими характеристиками социально-экономической системы региона. Мы же под социально-экономическим генотипом понимаем совокупность причинно-следственных закономерностей развития экономических отношений в практике регионального хозяйствования, определяющих внутренние константы региона, содержащие элементы прошлого (обреченного) и настоящего, переходящего в наследство будущему региональному обществу и требующего на первых порах защиты и поддержки (Мыслякова, 2017).

Методологически особенности социально-экономического генотипа, по нашему мнению, проявляются в следующих характеристиках:

- социально-экономическая ответственность и установившаяся общественная тенденция действовать определенным образом в отношении процессов замены устаревшего чем-либо новым;

- промышленная и социальная преемственность, заключающаяся в наследовании характерной для региона направленности развития, исторически сложившейся и закрепившейся за ней;

- устойчивость, выражаемая в сложности трансформации и высокой сопротивляемости (Муратов, 2013);

- длительность фазы зарождения и трансформации, характеризующаяся большим временным лагом между формированием и эффективным использованием.

Представленные выше особенности обуславливают социально-экономический генотип территории как ядро регионального развития, в контексте его функций, которые ими формируются:

- структурная, позволяющая выявлять многоуровневость институционального пространства экономики региона, а также особенности его самоорганизации и саморазвития;

- системная, позволяющая рассматривать регион как динамически активную социально-экономическую систему, способную увеличивать число экономически полезных ресурсов и их комбинацию; расширять факторы производства; воссоздавать материальные условия

общественного производства в процессе использования ресурсов;

— эволюционная, определяющая развитие региональной экономической системы, ее изменчивость и наследственность.

Тогда получаем, что социально-экономический генотип территории обуславливает результативность реализации регионального развития путем генерации эволюционного накопления изменений производственной, социальной и институциональной систем ее наследственных записей, отражающих ее специфику и предрасположенность к разнообразным эндогенным процессам.

Принципы и положения реализации политики регионального развития с учетом социально-экономического генотипа территории

В Основах государственной политики регионального развития РФ указывается необходимость разработки дифференцированных направлений и мер государственной поддержки социально-экономического развития территорий, обусловленных демографической ситуацией, особенностями системы расселения, уровнем и динамикой развития экономики и спецификой природных условий. Поэтому, если говорить о положениях, которые должны быть заложены в современном подходе к реализации данной политики, то в качестве первого следует отметить необходимость учета гетерогенности и идентичности территорий, который вытекает из принципа дифференцированности решений, разрабатываемых и принимаемых регионами. Если гетерогенность обусловлена, прежде всего, экономическими различиями и специализацией регионов, то последнее свойство больше связано с типологией территорий, имеющих схожие черты ведения хозяйства. Так, например, идентичность территорий четко можно проследить на основе сравнения старопромышленных регионов, в типологии которых одновременно заложено и историческое прошлое, определяющее «давность» процесса индустриализации, и технологическое наследие, отражающее главные источники развития такого вида территории. Для таких регионов свойственны схожие проблемы и закономерности функционирования, а также поведенческие установки хозяйствующих субъектов в ответ на влияние внешних факторов воздействия.

Нужно отметить, что в настоящее время существует много подходов к выявлению проблем исторически индустриальных территорий, однако большинство из них базируются

на теории зависимости от выбранного пути. Так, М. Штэйнер считает, что причиной любого промышленного кризиса служат внутренние структурные особенности и строгая иерархическая организация региона, снижающие адаптивность экономики территории к внешним воздействиям, в том числе глобального характера (Steiner, 1984). Сторонники его идей К. Морган и М. Сторпер считают, что сами характерные особенности таких регионов, как высокая концентрация производств третьего — четвертого укладов, монопрофильность и четкая структура, выступавшие конкурентными преимуществами региона в 60–70-х годах прошлого столетия, в результате предопределили их экономическую стагнацию за счет устоявшихся принципов хозяйствования, продиктованных исторически заложенными производствами и оставшихся неизменными в контексте используемых технологий и производственных цепочек (Morgan, 1997; Storper, 1997). Как следствие, традиционные промышленные центры, не имеющие когда-то ценовых конкурентных преимуществ, потеряли свою инвестиционную привлекательность и пришли в упадок. Отсюда следует положение, касающееся фиксирования влияния промышленного наследия регионов, которое присутствует у каждой индустриальной территории.

Важность присутствия данного принципа в теоретико-методологическом базисе подхода к разработке механизмов осуществления регионального развития уже в контексте реализации научно-технологической политики можно обосновать на примере уральских территорий, для которых свойственна исторически обусловленная деятельность базовых отраслей производства, и их результативность, и размещение. Каждая из таких территорий является активным элементом «уральской горнозаводской цивилизации», при создании которой также сформировалась «специфическая система расселения двухсот городов-заводов, в которой всё было взаимосвязано: умение сделать дело с древними языческими требами, нравы народа с глухотой лесов и неприступностью гор, выплавка чугуна с количеством снега в узких скалистых долинах и т. д.» (Богословский, 1927). «Безусловным «ядром» данной цивилизации в XVIII веке стало горнозаводское производство, которое состояло из более чем 200 предприятий, тысячи приисков и карьеров. Это производство представляло собой систему промышленной архитектуры и градостроения, элементы которой связаны особенной культурой выстраивания

Таблица 1

Уральские города, основанные на конец XVIII века

Основан	Создан город	Административный центр монопрофильного муниципального образования	Основан	Создан город	Административный центр монопрофильного муниципального образования
1718	1942	г. Полевской	1758	1944	г. Североуральск
1722	1919	г. Нижний Тагил	1758	1942	г. Усть-Катав
1732	1933	г. Первоуральск	1758	1758	г. Сатка
1734	1936	г. Ревда	1759	1941	г. Карпинск
1736	1951	г. Чебаркуль	1759	1942	г. Сим
1737	1941	г. Верхняя Тура	1761	1941	г. Верхний Уфалей
1747	1944	г. Нязепетровск	1771	1943	г. Миньяр
1754	1865	г. Златоуст	1773	1919	г. Миасс
1757	1951	г. Бакал	1778	1938	г. Верхняя Салда
1758	1944	г. Краснотурьинск	1779	1944	г. Петухово

экономических отношений, тесными технологическими связями и определенным менталитетом населения» (Мыслякова, 2019). За период 1701–1750 годов было построено более семидесяти металлургических заводов, давших за это время более 700 000 тыс. тонн меди. За период 1701–1800 годов в Уральском регионе выплавлялось почти 100 % всей российской меди, что составляло 8 002 587 тыс. тонн, большая часть которых расходовалась на производство денег, меньшая шла на производство посуды и хозяйственной утвари. На начало XVI века насчитывалось 176 заводов, из которых 123 были связаны с производством металлов, а 53 – с плавкой меди. Территориальная карта того времени представлена следующими современными городами (см. табл. 1).

Данная карта представлена сетью специфических территориально-производственных комплексов, обусловленной технологическими и технико-экономическими особенностями мануфактурного горнозаводского производства, условиями его функционирования и регулирования в феодальном административно-бюрократическом государстве (Белов, 1896). В начале XIX века были созданы Екатеринбургский, Пермский, Гороблагодатский, Богословский, Камско-Воткинский и Златоустовский горнозаводские округа. «Горные округа представляли собой единые хозяйственно-территориальные комплексы, объединившие металлургические заводы, рудники и прииски, леса, использовавшееся для углежжения, реки и гидротехнические сооружения, давшие энергию и вспомогательные производства» (Побережников, 2006). За это время сформировалась специфическая производственная структура, которая оставалась неизменной до начала XX века

и которая была обусловлена появившимися центроориентированными трендами в развитии хозяйственной деятельности, связанными с зарождением и укреплением экономико-технологического взаимодействия между металлургическими и металлообрабатывающими предприятиями Уральского региона. Это взаимодействие способствовало формированию экономической целостности региона и складыванию его как системы с относительно простой структурой хозяйства. Так, например, медь с Мотовилихинского медеплавильного завода поставлялась на Екатеринбургский монетный двор, а заводы Златоустовского, Гороблагодатского и Екатеринбургского округов производили чугун и обеспечивали им Камско-Воткинский железодельный, Ижевские оружейные и Пермские пушечные заводы. Производство было ресурсозависимым – где было больше минеральных ресурсов и где они были разнообразнее, там быстрее развивалась промышленность. Это привело к тому, что к началу XIX века заводы Уральского региона обеспечивали почти 80 % общего объема российского чугуна и около 95 % национальной меди. При этом регион был крупнейшей кузницей оружия, снабжавшей российскую армию и военно-морской флот. В настоящее время Златоуст, Миасс, Бакал, Краснотурьинск и Верхний Уфалей имеют статус территорий опережающего роста и у них есть все шансы укрепить производственный код Уральского региона, опираясь на его промышленное наследие. Поэтому при выборе механизмов реализации пространственной политики, особенно приоритетных научно-технологических направлений развития экономики регионов, необходимо учитывать историческое прошлое

территории, определяющее предрасположенность регионов к инновационно-индустриальному развитию.

Промышленное наследие регионов также необходимо комплементарно рассматривать с социокультурными особенностями территории, которые напрямую связаны с производственными процессами, так как в процессе жизнедеятельности общества складывается «особый, внешний по отношению к памяти отдельного индивида механизм сохранения и передачи информации во времени и пространстве, называемый социальной памятью» (Илизаров, 2016). Отсюда следует, что реализация политики регионального развития должна опираться на принцип комплементарности производственных и социальных механизмов реализации политики научно-технологического и пространственного развития регионов. Данные механизмы хранятся в коллективной памяти общества конкретной территории.

При этом коллективная память не является простой суммой входящих в нее памятей индивидов, а обладает новыми свойствами и качествами. Начало социологическому исследованию памяти и концепции коллективной памяти было положено французским социологом М. Хальбваксом в 50-х годах XX столетия (Хальбвакс, 2005; 2007; Halbwachs, 2020). Он поднял проблемы соотношения индивидуальной и коллективной памяти, памяти и традиции, а также социально-культурных функций памяти. Среди отечественных ученых исследования в данной области проводили Я. Ребане, В. Ребрин, Б. Илизаров и др.

Я. Ребане выделил три группы носителей коллективной памяти: 1) объективные социальные отношения, которые базируются на производственных отношениях; 2) орудия производства и овеществленные результаты труда; 3) язык (Ребане, 1982). В то же время другой отечественный исследователь, В. Ребрин, определял коллективную память как «совокупность общественных институтов, осуществляющих „вне индивидуальных голов“ систематизацию и хранение теоретически обобщенного коллективного опыта человечества» (Ребрин, 1974). Материальной основой или носителем этой памяти, по его мнению, являются прежде всего книги и другие средства хранения информации. Ю. Левада, ставя вопрос об изучении трансформации исторического сознания общества как одной из форм общественного сознания, подчеркивал, что «любое общество обладает особым механизмом, с помощью которого фиксируются его прошлые состояния

и воспроизводятся сложившиеся типы общественных отношений или определенных сторон этих отношений» (Левада, 1969). Таким образом, коллективная память, или социальная память, обладает динамикой, которая связана с переоценкой ее предмета, функций и перестройкой ее структуры.

Б. Илизаров (2016) выделяет следующие основополагающие черты коллективной памяти, определяющие социальное наследие территории:

- коллективная память всегда экзогенна индивидуальной памяти;
- действует по своим законам переноса и передачи информации;
- представляет собой фундамент для развития личного и общественного сознания;
- ее эволюция влияет на эволюцию общества (Илизаров, 2014).

Таким образом, еще одним положением в подходе к разработке механизмов реализации политики регионального развития является фиксирование социального наследия регионов для выявления характерных особенностей территорий, оказывающих непосредственное воздействие на потенциал развития территории и ее возможные реакции на те или иные внешние воздействия, в том числе со стороны государственных органов власти. Понятие «социальное наследие включает не только высокие достижения культуры, представляющие собой социальные ценности человечества, но и весь обыденный опыт, воплощенный в сознании (памяти) людей и в отчужденных от сознания продуктах их деятельности. Т. е. социальное наследие можно определить и как совокупность всей социальной информации, которой обладали уходящие из жизни поколения» (Илизаров, 2014). Необходимо также отметить, что процессы социального наследования гораздо менее запрограммированы, нежели биологические процессы. В них отсутствует неизменность программ воспроизводства, присущая процессам передачи генетической информации (Фролов, 1983). В определенные периоды общества ломают унаследованные программы, что, в свою очередь, влечет за собой переоценку ценностей и изменение картины мира. При этом сам процесс овладения социальным наследием, как отмечает Б. Илизаров, «еще более подвержен изменениям. Каждое новое поколение находится перед выбором, что из наследия следует забыть, что необходимо сохранить, что из сохраненного следует использовать, но в новом качестве» (Илизаров, 2014).

Таким образом, для общества возникает проблема выбора: какую социально значимую информацию запоминать, а какую лучше забыть. То есть коллективная память развивается во времени и благодаря этой эволюции «каждое последующее поколение не только наследует от предыдущего определенные социальные отношения, способы материального производства и формы духовной жизни, но и получает обширное информационное наследство, которым необходимо распорядиться» (Илизаров, 1995).

Историческая действительность, частью которой является коллективная память, и сами факторы общественного развития, оказывали и оказывают прямое и косвенное влияние на ее формирование, в первую очередь на объем и структуру. «На рост объема социальной памяти прямое влияние оказывают факторы ускоренного развития исторического процесса — уплотнение и ускорение человеческой истории, ее наполненность» (Поршнева, 1974). Отсюда Б. Илизаров делает вывод о том, что «объем исторических событий прямо зависит от количества социальных событий и от социальной деятельности конкретных людей. В разные эпохи, на разных территориях количество «действующих лиц» и значимых событий (открытий, изобретений) было неодинаковым, и они имели совершенно различные возможности реализации своих социальных действий» (Илизаров, 2007).

До наступления эпохи быстрой смены технологий накопленные знания о секретах и технологиях производства передавались от отца к сыну, технологическая среда менялась медленно. С развитием НТП темп смены технологической среды начал существенно ускоряться. Однако, помимо роста количества технологических изобретений, постепенно увеличивалась и продолжительность жизни отдельного человека, и поколений в целом, что также ведет к увеличению наполненности коллективной памяти. Как видно, в последние годы количество социальных событий существенно выше, нежели в предыдущие века, выросла плотность социальных связей между отдельными индивидуумами за счет цифровизации, что привело к тому, что сегодня человеческая история явно обладает большим коэффициентом плотности, чем когда-либо. Это в свою очередь оказывает влияние как на емкость коллективной памяти, передающейся новому поколению, так и на масштаб селекции, отбор нужной и ненужной ее частей для дальнейшего использования. Последнее может стать причиной усиливаю-

щегося конфликта поколений, одновременно проживающих на территории, но оказывающихся носителями различающейся социальной памяти. Кроме того, наличие на территории отличающейся коллективной памяти у различных поколений может привести к тому, что разные возрастные и социальные слои общества будут реагировать по-разному на одни и те же механизмы государственного регулирования, что уже указывает на необходимость непосредственного изучения данного процесса при разработке политики научно-технологического и пространственного развития региона. Поэтому при реализации политики регионального развития необходим анализ возрастной пирамиды населения и динамики демографических процессов, а также характеристика социального поведения каждой поколенческой группы, входящей в состав современной общественной региональной формации.

Динамическую характеристику коллективной памяти общества, то есть процесс, при котором в обществе закрепляется, сохраняется и передается память о прошлом, предлагаем рассматривать в контексте коммеморации — способа, с помощью которого укрепляется и передается память о прошлом. Данное понятие было раскрыто в работах французских историков М. Хальбвакса, П. Нора и А. Мегилла (Горнова, 2017, 2019). Специфика коллективной памяти состоит в том, что она непосредственно связана с групповыми или массовыми действиями людей, которые подчиняются определенным правилам, проживают свою жизнь в одной технологической среде и тем самым разбивают общество на определенные хозяйственные сообщества. Коммеморативное действие настолько прочно связано с коллективным историческим знанием, что даже малейшее изменение рисунка, маршрута движения или его декораций изменяет смысловую наполненность этого знания (Дахин, 2016). В коммеморативных практиках реализуются коллективные переживания сообществом своей значимости. В первую очередь это практики, связанные с памятью, историческими событиями. Также к таким практикам относят всё, что диктуется обществом как правильное, выполненное по определенному канону, как раньше, как принято, как всегда. К первым практикам можно отнести привычные календарные празднования и уклад образа жизни в определенные сезоны. Ко вторым — традиции, передаваемые в семье, в общественной морали, в профессиональной этике. Прежде всего, в этих практиках зримо и деятельно ре-

Рис. Теоретический подход к разработке механизмов реализации регионального развития с учетом социально-экономического генотипа территории

ализуется коллективное переживание сообществом священной значимости своего собственного «мы». Благодаря работе структур коллективной памяти сообщество той или иной территории имеет некую фундаментальную традицию. При отсутствии такой традиции и механизма ее передачи из поколения к поколению есть опасность, что сообщество распадется в «атомарное» состояние, становясь совокупностью отдельных индивидов. Поэтому мы делаем вывод, что социальная или коллективная память существует только в форме коллективного коммеморативного действия. Отсюда важно при разработке и внедрении в регионе тех или иных механизмов регулирования общественного устройства не перейти границу, так чтобы инновации и нововведения не посягали на коммеморативные практики. В этом заключается содержание еще одного принципа современного подхода к разработке результативных методов регионального развития – принципа коммеморации, который в свою очередь обуславливает фиксирование социального наследия регионов как необходимое методологическое положение учета со-

циально-экономического генотипа при реализации научно-технологической политики и политики пространственного развития в целом.

Еще один важный аспект, который необходимо отметить: для того, чтобы устранить проблемы, связанные с разрывом в ожидаемых результатах реализации региональной политики с получаемыми, а также в целях выравнивания отдачи от реализуемых мер развития, разработанных на федеральном уровне, на всех уровнях территорий необходимо применять при разработке механизмов территориального развития принцип комплексности результатов и согласованности выбора научно-технологических приоритетов с социально-экономическим потенциалом конкретной территории, содержащим в себе ее предрасположенность к успешной реализации данных приоритетов. Данный принцип будет обуславливать положение, связанное с обеспечением эволюционного развития регионов.

Тогда получаем, что наш подход будет базироваться на пяти методологических принципах и положениях, которые обусловлены этими принципами (см. рис.).

При этом созданные механизмы реализации регионального развития в русле представленного выше подхода создают субъектам РФ возможность самостоятельно формировать наиболее эффективную с их точки зрения совокупность внедряемых на территории механизмов и инструментов, выбирая из действующих, получивших соответствующее нормативно-правовое обеспечение на федеральном уровне. Поэтому получаем, что за эффективность реализации данной политики отвечает социально-экономический генотип территории, являющийся связующим звеном между выбором приоритетов преобразований и экономическими результатами реализации целей и задач развития страны.

Оценка предрасположенности территории к развитию через призму ее социально-экономического генотипа

Одним из механизмов реализации политики регионального развития является создание специальных экономических зон и территорий опережающего развития (ТОР). Данный механизм позволяет стимулировать развитие необходимой инфраструктуры, а также рост инвестиций и технологическое обновление производственных мощностей, что в полной мере соответствует поставленным целям регионального развития в Стратегии до 2025 года. Создание специализированных территорий является одним из эффективных инструментов активизации драйверов территориального развития, сформированных в данном регионе за продолжительную историю своего развития. Нами проведены исследования ТОР, расположенных в УрФО, на основании чего сделан вывод о том, что «ТОРы — это монопрофильные территории, в генотип которых, с одной стороны, заложены проблемы узкоспециализированной экономики, а с другой — дополнительные источники успешного функционирования, а именно предпосылки развития малого и среднего предпринимательства, инновационного бизнеса, а также инвестиций в обновление основных средств предприятий базовой отрасли. Каждый из этих источников необходимо развивать и усиливать прямыми и косвенными мерами государственной поддержки» (Мыслякова, Шамова, Неклюдова, 2020).

Для того, чтобы выявить скрытые ключевые силы успешного функционирования этих территорий, авторами была определена размерность социально-экономического генотипа, сформированного каждым из рассматрива-

Таблица 2
Социально-экономический генотип территорий опережающего развития в УрФО

ТОР УрФО	Ядро социально-экономического генотипа региона
Городской округ Красноурьинск	0,6314
Миасский городской округ	0,5306
Верхнеуфалейский городской округ	5,4325
Далматовский муниципальный район	1,6309
Катайский муниципальный район	-1,0877
Варгашинский муниципальный район	1,9539

емых ТОРов (табл. 2). Методика расчета данного ядра подробно представлена в другой совместной работе авторов (Мыслякова, Шамова, Неклюдова, 2020) и предлагает формализовать его путем выявления доминирования положительных трендов роста показателей, отражающих социально-экономическое положение территории, над отрицательными.

Получаем, что из рассматриваемых территорий наибольшими ядерными силами обладает Верхнеуфалейский городской округ. Сила положительных трендов на территории этого округа значительно превышает силу отрицательных. Поскольку Верхнеуфалейский ГО включен в перечень монопрофильных муниципальных образований с наиболее сложным социально-экономическим положением¹, а индексы положительных трендов в округе более чем в 20 раз превышают индексы отрицательных трансформаций, можно сделать вывод о том, что данная территория характеризуется низким использованием ядерных сил развития. ГО Красноурьинск, включенный в вышеуказанный перечень, также не в полную силу использует свой потенциал. Катайский муниципальный район относится к категории монопрофильных муниципальных образований с рисками ухудшения социально-экономического положения², однако анализ социально-экономического генотипа этой территории показал, что район имеет ряд серьезных скрытых проблем, выражающихся в доминирова-

¹ Перечень монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов): утв. распоряжением Правительства РФ от 29 июля 2014 г. № 1398-р).

² Там же.

нии отрицательных трендов в показателях хозяйственной деятельности.

Использование полученной матрицы социально-экономического генотипа региона на практике в качестве базы сравнения дает возможность провести сопоставительный анализ, где генотип анализируемой территории будет сравниваться с эталонным генотипом TOP. В результате при выявлении территории со схожим к эталонному генотипом можно будет говорить о существенной предрасположенности территории к дальнейшему развитию в качестве территории опережающего развития, а следовательно, возможности подачи запроса о получении данного вида государственной поддержки. Имея такую предрасположенность, данная территория сможет выйти на новый уровень развития благодаря задействованным механизмам государственной поддержки. Если же, напротив, исследуемая территория будет иметь социально-экономический генотип, существенно отличающийся от эталонного генотипа TOP, это будет свидетельством того, что эффективное вмешательство государства в социально-экономические процессы, происходящие на территории, невозможно. При этом довольно значимым является определение эндогенных факторов, которые могут быть причинами недостаточной реакции региональной системы на стимулирующие механизмы развития. Поскольку генотип территории состоит из таких составляющих, как производственные, социальные и институциональные записи, в дальнейшем возможно выделить и классифицировать эти коды влияния на результативность преобразований.

Заключение

Так как региональному уровню власти в процессе формирования политики развития приходится основываться на уже разработанных механизмах и инструментах государственного регулирования, единых для всей территории Российской Федерации, то необходимо иметь определенную схему действий, позволяющих адресно корректировать и адаптировать общую систему государственного регулирования к конкретной территории, имеющей свои особенности развития, т.е. учитывать социально-экономический генотип территории при реализации политики регионального развития. Причем основополагающим является выявление проблем индустриально-экономического развития, а также применение специальных механизмов их нивелирования с последующей корректировкой стандартизированных инструментов государственного регулирования. Это позволит повысить эффективность принимаемых властью решений.

Таким образом, на примере уральских ТОРов была представлена полезность применения социально-экономического генотипа территорий для выявления их проблем и предрасположенностей к дальнейшему развитию, что иллюстрирует действенность учета данного территориального феномена при разработке стратегических рекомендаций и выборе перспективных направлений регионального и пространственного развития в целом. Это в свою очередь доказывает правомерность и важность присутствия положений, связанных с учетом социально-экономического генотипа территорий, при реализации политики регионального развития.

Список источников

- Архипов А. А., Мартишин Е. М., Зотова Т. А. Эволюционно генетические механизмы экономического роста и развития // Журнал институциональных исследований. 2020. Т. 12. №2. С. 100–118. DOI: 10.17835/2076-6297.2020.12.2.100–118.
- Аузан А. А. Социокультурные коды в экономическом анализе // Журнал НЭА. 2013. № 1 (17). С. 173–176.
- Белов В. Д. Исторический очерк уральских горных заводов. СПб.: Типография Исидора Гольдберга, 1896. 177 с.
- Богословский П. С. О постановке культурно-исторических исследований Урала // Уральское краеведение. Вып. 1. Свердловск: Уральское бюро краеведения, 1927. С. 36–37. URL: http://www.academia.edu/20787288/Уральское_краеведение_Свердловск_1927_Вып_1 (дата обращения: 22.11.2020).
- Витте С. Ю. Избранные воспоминания: в 2 т. М.: TERRA, 1997. Т. 2. 400 с.
- Горнова Г. В. Коллективная память и практики коммеморации в формировании городской идентичности // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2017. №2 (15). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kollektivnaya-pamyat-i-praktiki-kommemoratsii-v-formirovanii-gorodskoy-identichnosti> (дата обращения: 20.12.2020).
- Городская идентичность: философско-антропологические основания: монография / Г. В. Горнова. Омск: Изд-во «Амфора», 2019. 167 с.
- Дахин А. В. Коллективная память сообщества: невидимые структуры неизвестного знания // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. 2016. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kollektivnaya-pamyat-soobshchestva-nevidimye-struktury-neizvestnogo-znaniya> (дата обращения: 20.12.2020).

- Илизаров Б. С. И Слово воскрешает... или «Прецедент Лазаря». М.: Летний сад, 2007. 398 с.
- Илизаров Б. Социальная память человечества: структуры и формы // Гефтер, 2014. URL: <http://gefeter.ru/archive/12244> (дата обращения: 20.12.2020).
- Илизаров Б. С. Память социальная // Энциклопедический социологический словарь / Общая ред. акад. РАН Г. В. Осипова. М., 1995. С. 520–522.
- Инишаков О. В. Экономическая генетика как методологическая и теоретическая основа наноэкономического анализа // Вестник ВолГУ. Серия 3: Экономика. Экология. 2008. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-genetika-kak-metodologicheskaya-i-teoreticheskaya-osnova-nanoekonomicheskogo-analiza> (дата обращения: 18.12.2020).
- Инишаков О. В. Эволюционный подход в стратегической трансформации экономических систем: общие принципы для различного масштаба // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. № 31. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsionnyy-podhod-v-strategicheskoy-transformatsii-ekonomicheskikh-sistem-obshchieprintsipy-dlya-razlichnogo-masshtaba> (дата обращения: 20.01.2021).
- Клейнер Г. Б. Системная парадигма и экономическая политика // Общественные науки и современность. 2007. № 2. С. 141–149.
- Левада Ю. А. Историческое сознание и научный метод // Философские проблемы исторической науки: сб. М., 1969. С. 203–213.
- Майминас Е. Социально-экономический генотип общества // Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. 2016. № 4. С. 186–204.
- Мартышин Е. М. Эволюционные механизмы модернизации в стратегии региона // Региональная экономика: теория и практика. 2014. №. 13. С. 9–19.
- Мартышин Е. М. Эволюционные механизмы экономической системы. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2015. 652 с.
- Мартышин Е. М., Дончевский Г. Н. Механизмы пространственно-временного экономического инновационного роста и развития // Вестник Донецкого национального университета. Серия В. Экономика и право. 2018. №. 3. С. 173–181.
- Муратов А. Эволюционно-генетическая теория развития экономических систем: гармонизационный подход // УЭК. 2013. № 4 (52). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsionno-geneticheskaya-teoriya-razvitiya-ekonomicheskikh-sistem-garmonizatsionnyy-podhod-1> (дата обращения: 20.01.2021).
- Мыслякова Ю. Г. Моделирование «пространства кодов» территориального наследия индустриального региона // Вопросы управления. 2019. № 6 (61). С. 178–191.
- Мыслякова Ю. Г. Теоретические аспекты формирования региональных кодов экономического развития // Журнал экономической теории. 2017. № 3. С. 137–148.
- Мыслякова Ю. Г., Шамова Е. А., Неклюдова Н. П. Социально-экономический генотип территорий опережающего развития (на примере Уральского региона) // Journal of Applied Economic Research. 2020. Т. 19. № 3. Р. 310–328.
- Побережников И. В. и др. Россия в XVII–начале XX в.: региональные аспекты модернизации. Екатеринбург: УрО РАН, 2006. 344 с.
- Поринев Б. Ф. О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии). М.: Мысль, 1974. 487 с.
- Ребане Я. К. Информация и социальная память: к проблеме социальной детерминации познания // Вопросы философии. 1982. № 8. С. 47.
- Ребане Я. К. О некоторых принципах подхода к анализу общественной информации // Ученые записки Тартуского государственного университета. Труды по философии. 1966. Т. 10. С. 3–12.
- Ребрин В. А. Методологические проблемы социалистического общественного сознания. Новосибирск, 1974. С. 44–45.
- Фролов И. Т. Перспективы человека. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1983. 350 с.
- Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. №. 2. С. 8–27.
- Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 343 с.
- Halbwachs M. On collective memory. University of Chicago Press, 2020.
- Morgan K. The learning region: institutions, innovation and regional renewal // Regional Studies. 1997. Vol. 31 (5). P. 491–503.
- Steiner M. Old Industrial Areas: A Theoretical Approach // Urban Studies. 1984. No. 46. P. 387–398.
- Storper M. The Regional World: Territorial Development in a Global Economy. New York: Guilford Press, 1997. 338 p.

References

- Arkhipov, A. A., Martishin, E. M., & Zotova, T. A. (2020). Evolyutsionno geneticheskie mekhanizmy ekonomicheskogo rosta i razvitiya [Evolutionary genetic mechanisms of economic growth and development]. *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy [Journal of Institutional Studies]*, 12(2), 100–118. DOI: 10.17835/2076–6297.2020.12.2.100–118. (In Russ.)
- Auzan, A. A. (2013). Sotsiokul'turnye kody v ekonomicheskom analize [Sociocultural Codes in Economic Analysis]. *Zhurnal NEA [The Journal of the New Economic Association]*, 17(1), 173–176. (In Russ.)
- Belov, V. D. (1896). *Istoricheskiy ocherk ural'skikh gornyykh zavodov [Historical essay of the Ural mining plants]*. SPb.: the printing house of Isidor Goldberg, 177. (In Russ.)

Bogoslovskiy, P. S. (1927). O postanovke kul'turno-istoricheskikh izucheniy Urala [On the statement of cultural and historical studies of the Urals]. *Ural'skoe kraevedenie [The Ural regional studies]*, 1. Sverdlovsk: Ural Bureau of Local Lore, 36–37. Retrieved from: http://www.academia.edu/20787288/Ural'skoe_kraevedenie._Sverdlovsk_1927._Vyp._1 (Date of access: 22.11.2020). (In Russ.)

Vitte, S. Yu. (1997). *Izbrannye vospominaniya: v 2 t. [Selected memoirs: in 2 volumes]*, 2. Moscow: TERRA, 400. (In Russ.)

Gornova, G. V. (2017). Kollektivnaya pamyat' i praktiki kommemoratsii v formirovaniy gorodskoy identichnosti [Collective memory and practices of commemoration in forming urban identity]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya [Newsletter of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian research]*, 2(15). Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/kollektivnaya-pamyat-i-praktiki-kommemoratsii-v-formirovaniy-gorodskoy-identichnosti> (Date of access: 20.12.2020). (In Russ.)

Gornova, G. V. (2019). *Gorodskaya identichnost': filozofsko-antropologicheskie osnovaniya: monografiya [Urban identity: Philosophical and anthropological foundations: a monograph]*. Omsk: Izd-vo «Amfora», 167. (In Russ.)

Dakhin, A. V. (2016). Kollektivnaya pamyat' soobshchestva: nevidimye struktury neizvestnogo znaniya [Community's collective memory: Invisible structures of unknown knowledge]. *Metod: Moskovskiy ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin [Method: moscow yearbook of works from social science disciplines]*, 6, 198–214. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/kollektivnaya-pamyat-soobshchestva-nevidimye-struktury-neizvestnogo-znaniya> (Date of access: 20.12.2020). (In Russ.)

Ilizarov, B. S. (2007). *I Slovo voskreshaet... ili «Pretsedent Lazarya» [And a word brings back to life... or "The Precedent of Lazarus"]*. Moscow: Letniy sad, 398. (In Russ.)

Ilizarov, B. S. (2014). Sotsial'naya pamyat' chelovechestva: struktury i formy [Social memory of mankind: structures and forms]. *Gefter [Gefter]*. Retrieved from: <http://gefter.ru/archive/12244> (Date of access: 20.12.2020). (In Russ.)

Ilizarov, B. S. (1995). *Pamyat' sotsial'naya [Social memory]*. *Entsiklopedicheskii sotsiologicheskii slovar' [Sociological encyclopedical dictionary]*. In G. V. Osipov (Eds.). Moscow, 520–522. (In Russ.)

Inshakov, O. V. (2008). Ekonomicheskaya genetika kak metodologicheskaya i teoreticheskaya osnova nanoekonomicheskogo analiza [Economic genetics as the basis of evolutionary economics]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika. Seriya 3 [Journal of Volgograd State University. Economics. Series 3]*, 1. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-genetika-kak-metodologicheskaya-i-teoreticheskaya-osnova-nanoekonomicheskogo-analiza> (Date of access: 18.12.2020). (In Russ.)

Inshakov, O. V. (2011). Evolyutsionnyy podkhod v strategicheskoy transformatsii ekonomicheskikh sistem: obshchie printsipy dlya razlichnogo masshtaba [An evolutionary approach to the strategic transformation of economic systems: general principles for different scale]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' [National Interests: Priorities and Security]*, 31. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsionnyy-podkhod-v-strategicheskoy-transformatsii-ekonomicheskikh-sistem-obshchie-printsipy-dlya-razlichnogo-masshtaba> (Date of access: 20.01.2021). (In Russ.)

Kleyner, G. B. (2007). Sistemnaya paradigma i ekonomicheskaya politika [System paradigm and economic policy]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Contemporary World]*, 2, 141–149. (In Russ.)

Levada, Yu. A. (1969). Istoricheskoe soznanie i nauchnyy metod [Historical consciousness as a social phenomenon and a form of reflection]. *Filosofskie problemy istoricheskoy nauki [Philosophical problems of historical science]*. Moscow, 203–213. (In Russ.)

Mayminas, E. (2016). Sotsial'no-ekonomicheskii genotip obshchestva [Socioeconomic Genotype of a Society]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 6. Ekonomika [Moscow University Economics Bulletin]*, 4, 186–204. (In Russ.)

Martishin, E. M. (2014). Evolyutsionnye mekhanizmy modernizatsii v strategii regiona [The evolutionary mechanisms of modernization in region strategy]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika [Regional Economics: Theory and Practice]*, 12(13), 9–19. (In Russ.)

Martishin, E. M. (2015). *Evolutsionnye mekhanizmy ekonomicheskoy sistemy [Evolutionary mechanisms of the economic system]*. Rostov-na-Donu: Publishing house YuFU, 652. (In Russ.)

Martishin, E. M., & Donchevskii, G. N. (2018). Mekhanizmy prostranstvenno-vremennogo ekonomicheskogo innovatsionnogo rosta i razvitiya [Mechanisms of spatial-temporal economic innovative growth and development]. *Vestnik Donetskogo natsional'nogo universiteta. Seriya V. Ekonomika i pravo [Bulletin of Donetsk National University. Series B. Economics and Law]*, 3, 173–181. (In Russ.)

Muratov, A. (2013). Evolyutsionno-geneticheskaya teoriya razvitiya ekonomicheskikh sistem: garmonizatsionnyy podkhod [Evolutionary and genetic theory of development of economic systems: garmonizatsionnyy approach]. *UeS [Management of Economic Systems scientific electronic journal]*, 4(52). Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsionno-geneticheskaya-teoriya-razvitiya-ekonomicheskikh-sistem-garmonizatsionnyy-podkhod-1> (Date of access: 20.01.2021). (In Russ.)

Mislakova, Yu. G. (2019). Modelirovanie «prostranstva kodov» territorial'nogo naslediya industrial'nogo regiona [Modeling the “code space” of the territorial heritage of an industrial region]. *Voprosy upravleniya [Management Issues]*, 6(61), 178–191. (In Russ.)

Myslyakova, Yu. G. (2017). Teoreticheskie aspekty formirovaniya regional'nykh kodov ekonomicheskogo razvitiya [Theoretical aspects of the formation of regional codes of economic development]. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii [Russian Journal of Economic Theory]*, 3, 137–148. (In Russ.)

Myslyakova, Yu. G., Shamova, E. A., & Neklyudova, N. P. (2020). Sotsial'no-ekonomicheskii genotip territoriy operezhayushchego razvitiya (na primere Ural'skogo regiona) [Social and economic genotype territories of the advancing development on example of the Ural region]. *Journal of Applied Economic Research*, 19(3), 310–328. (In Russ.)

Poberezhnikov, I. V. et al. (2006). *Rossiya v XVII–nachale XX v.: regional'nye aspekty modernizatsii* [Russia in the XVII–early XX century: regional aspects of modernization]. Ekaterinburg: UrO RAN, 344. (In Russ.)

Porshnev, B. F. (1974). *O nachale chelovecheskoy istorii (Problemy paleopsikhologii)* [On the beginning of human history (Problems of paleopsychology)]. Moscow: Mysl', 487. (In Russ.)

Rebane, Ya. K. (1982). Informatsiya i sotsial'naya pamyat': k probleme sotsial'noy determinatsii soznaniya [Information and social memory: to the problem of social determination of consciousness]. *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy], 8, 47. (In Russ.)

Rebane, Ya. K. (1966). O nekotorykh printsipakh podkhoda k analizu obshchestvennoy informatsii [On some principles of the approach to the analysis of public information]. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. Trudy po filosofii* [Scientific Notes of the Tartu State University. Works on philosophy], 10, 3–12. (In Russ.)

Rebrin, V. A. (1974). *Metodologicheskie problemy sotsialisticheskogo obshchestvennogo soznaniya* [Methodological problems of Socialist Social Consciousness]. Novosibirsk, 44–45. (In Russ.)

Frolov, I. T. (1983). *Perspektivy cheloveka* [Human perspectives], 2nd Edition. Moscow: Politizdat, 350. (In Russ.)

Halbwachs, M. (2005). Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' [Historical memory and collective memory]. *Neprikosnovennyi zapas* [NZ], 2, 8–27. (In Russ.)

Halbwachs, M. (2007). *Sotsial'nye ramki pamyati* [The social frameworks of memory]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 343. (In Russ.)

Halbwachs, M. (2020). *On collective memory*. University of Chicago Press.

Morgan, K. (1997). The learning region: institutions, innovation and regional renewal. *Regional Studies*, 31 (5), 491–503.

Steiner, M. (1984). Old Industrial Areas: A Theoretical Approach. *Urban Studies*, 46, 387–398.

Storper, M. (1997). *The Regional World: Territorial Development in a Global Economy*. New York: Guilford Press, 338.

Информация об авторах

Мыслякова Юлия Геннадьевна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения РАН (Екатеринбург, Российская Федерация; e-mail: myslyakova.ug@uiec.ru).

Неклюдова Наталия Павловна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения РАН (Екатеринбург, Российская Федерация; e-mail: neklyudova.np@uiec.ru).

About the Authors

Yuliya G. Myslyakova — PhD in Economics, Senior Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russian Federation; e-mail: myslyakova.ug@uiec.ru).

Natalia P. Neklyudova — PhD in Economics, Senior Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russian Federation; e-mail: neklyudova.np@uiec.ru).